

Частное лицо эпохи

Трансформация политической субъектности

Денис Драгунский

На исходе XIX столетия среди политических философов и теоретиков государственного права развернулась следующая дискуссия.

Одни — так называемые формалисты — полагали, что свободной политической волей, то есть суверенитетом, обладает государство как таковое. Что же касается лиц, занимающих те или иные властные позиции — от кайзера до сельского старосты, — то они всего лишь выражают волю государства и его интерес (хорошо или плохо, адекватно или нет — другой вопрос). Лидер формалистов П. Лабанд утверждал, что государство есть *юридическое лицо, наделенное волей*. Тем самым он стремился окончательно перечеркнуть старинный тезис папы римского Иннокентия IV, который в 1245 г. назвал юридическое лицо *persona ficta*, то есть «фиктивное лицо», которое не обладает свободной волей, поскольку не имеет тела.

Другие — так называемые реалисты (Р. Иеринг и особенно А. Меркель) — полагали, что в основе политико-правовых отношений лежат конфликтующие и трудно согласуемые интересы различных субъек-

тов. Таким образом, политической субъектностью — той самой волей — обладают эти группы, а в реальности — лица, наделенные властью (силовым ресурсом) и/или собственностью. Те же кайзер и сельский староста, а также богатый и влиятельный частный человек.

Историческая связь представлений о политическом субъекте с формированием нации-государства очевидна. Достаточно большое и гомогенное по признаку политической лояльности и хозяйственной деятельности сообщество осознавалось и переживалось как некое единство, как организм, управляемый общей волей. Если в феодальную эпоху человек (король) был государством, то в эпоху модерна государство мыслилось как метафорическая личность, обладающая суверенной волей. Мистическое одушевление государства сохранилось до нашего времени. Собственно, на этом до сих пор держится государственническая мифология, переживание государства как единого (а в критическом случае — собственного) тела.

Эта дискуссия в свое время не попала в центр общественного внимания; споры

о материализме и эмпириокритицизме, о сознании и бессознательном, о благоприобретенном и наследственном и, наконец, о капитализме и коммунизме были куда более насущными и увлекательными.

Однако в наше время проблема приобрела неожиданную актуальность.

Государство как единый и единственный актер мировой политики теряет прежнюю роль. Но на его место приходят не только надгосударственные образования, но и частные группы интересов, а в предельном случае — отдельные лица. Сплошь и рядом приходится читать и слышать, что некое государство затевает некий крупный и рискованный политический проект (например, военную экспедицию на другой край света) в интересах некоей группы экономических интересов, некоей корпорации, а значит — в интересах крупнейших акционеров (проще говоря, собственников) данной корпорации. Это не левацкое преувеличение, унаследованное от советской прессы 1970-х годов. Нравится нам это или нет, исповедуем мы левосоциалистические или, наоборот, праволиберальные (как автор этих строк) убеждения, необходимо признать: тезис К. Маркса «богатые богатеют, бедные беднеют» на сегодня выполняется с непреложностью архимедова закона. Это касается как ситуации в отдельных странах, так и мира в целом. Масштабы расслоения поистине изумляют — доходы отдельных корпораций превосходят валовой внутренний продукт отдельных стран, а налоги, взимаемые с отдельных физических лиц, превосходят отдельные государственные бюджеты. В 1990-е годы приходилось читать, что в России существуют физические лица, которые платят налогов в бюджет больше, чем некоторые субъекты федерации (области). Нет оснований полагать, что в

настоящее время ситуация существенно изменилась. Но есть основания полагать, что частные лица, обладающие подобной экономической мощью, вряд ли стоят в стороне от политики, вряд ли воздерживаются от трансформации своего экономического влияния в политическое.

Не нужно драматизировать ситуацию или демонизировать эти новые действующие лица. Нужно постараться осмыслить специфику ситуации.

Приватизм

Швейцарский политик и литератор, критик социализма Н. Дроз ввел в оборот термин «*этатизм*», которым обозначил торжество государства над личностью и свободой [Droz 1896]. Этатизм послужил основой европейской социальной конструкции модерна. Наиболее полным воплощением этатизма является социализм, в котором последовательно проводится огосударствление всего и вся. По горизонтали этатизм структурируется христианской моралью, а по горизонтали — перераспределительной функцией государства. Эти координаты порождают соответствующие политические ценности — заведомую необходимость государственной власти и изначальную доброту соседа, веру в торжество общего интереса над частным.

Существует, однако, принципиально иная социальная конструкция — «*приватизм*», о котором в конце 1920-х годов писал Г. фон Кайзерлинг в своей книге об Америке. Приватизм — это, прежде всего, торжество частного над общим, личных интересов над групповыми, групповых — над государственными. Это принципиальное *равенство интересов* различных групп, приводящее к весьма нестандартным последствиям. Кайзерлинг отмечал, что американская полиция

весьма сурова и решительна в отстаивании интересов общины. Но «поскольку все интересы принципиально равнозначны, нет ничего удивительного в том, что вновь и вновь слышно о компромиссах или даже сотрудничестве полицейских и преступных банд. И те и другие суть группы людей, и те и другие имеют свои законные интересы» [Кайзерлинг 2002].

То, что Кайзерлинг считал исключительной американской спецификой, в последнее время становится характерным для многих сообществ — вне зависимости от того, насколько «демократическими» или «авторитарными», развитыми или неразвитыми они являются. Приватизм проявляется как взрыв разнообразной социальной активности вне контроля государственных институтов, которые выступают как равноправные игроки на национальном поле. В обществах со старыми демократическими традициями приватизм реализуется в виде равновесия свобод и ограничений, баланса интересов. В других случаях вместо баланса интересов возникает игра сил.

Очевидно, у приватизма есть эволюционные предпосылки.

Социально ориентированное государство рождает иллюзию своей ненужности. Развитие социальных гарантий и соблюдение прав личности создают парадоксальное ощущение, что человек (гражданин) своим благополучием не обязан никому — разве что самому себе как представителю электората, который и установил все эти гарантии. Если же имеется в виду ультралиберальная конструкция, то тогда о руководящей роли государства тем более нет речи.

Развитие информационных технологий дает гражданам больше свободы, чем все декларации о правах человека. Прибавим к этому более широкое пространство политических и экономических прав, межгосудар-

ственную свободу передвижения капиталов, товаров, услуг и людей. Кроме того, предпосылкой приватизма является малодетность: малые семьи не создают патерналистских и коллективистских ценностей.

Ансамбль интересов

Однако у приватизма есть и революционные предпосылки.

После 1991 г., в ходе глобального размораживания конфликтов, на свет вышли новые (или высвободились ранее репрессированные старые) политические акторы. К таким традиционным субъектам мировой политики, как государства и союзы государств, прибавился целый ряд «неклассических» сил.

Прежде всего, это *региональные ансамбли*, представляющие собой неформальные географически-культурно-национальные объединения (Балканы, Кавказ, Центральная Азия). Извне они традиционно воспринимаются как нечто единое, хотя внутри этих ансамблей идет жесткая борьба за доминирование. Такая двойственность не позволяет сформировать единую политику по отношению к региональному ансамблю как к целому и мешает вести дифференцированную политику в отношении отдельных входящих в него стран; региональные ансамбли легко превращаются в очаги нестабильности.

Кроме того, большое значение приобрели «*метасубъекты*» мировой политики — *духовные идентичности высокого ранга*. Таковы религиозные единства (исламский мир, христианский мир, шииты и сунниты, православные и католики). Именно эти общности склеивают региональные ансамбли в шаткое целое. Таковы большие расово-культурные общности (славяне, турки, африканцы). Сюда же относятся идентичности

чрезвычайно высокого ранга — «Восток», «Запад», «страны с рыночной экономикой» и так далее, вплоть до «мирового общественного мнения» и «всего человечества». Конечно, это политические фантомы, одновременно реальные и неухватные. Но зачастую они оказываются более значимыми, чем реальные вещи.

Значительную роль играют *внутринациональные субъекты*. Это этнические и этнорелигиозные единицы (этнические партии и движения, в том числе и вооруженные, организации диаспоры), криминальные организации, а также территориальные единицы, являющиеся отдельными действующими лицами на национальной сцене. Сюда же относятся политические и экономические организации, формально связанные с государством, а иногда и прямо являющиеся отростками от ветвей власти, но претендующие на самостоятельную роль во внутренних и международных делах. Это особо мощные бизнесы (в лице своих собственников), а в пору смуты и борьбы за власть — отдельные государственные институты.

Активизировались и *транснациональные субъекты* — международные политические и экономические организации, вообще не связанные с теми или иными государствами или связанные косвенно (политические «интернационалы», легальные и нелегальные транснациональные корпорации, международная преступность).

Все эти субъекты — разного масштаба и разного качества. О некоторых из них трудно сказать, существуют ли они на самом деле, не являются ли они результатом политологических изысков или плодом излишней бдительности спецслужб. Важно другое. Вступив на политическую сцену, «неклассические» субъекты решительно изменили правила традиционной мировой игры.

Государство как суверен является всего лишь одним из игроков на национальной бирже, а государство как субъект международного права — лишь одним из акторов, действующих на всемирной сцене. Такова наиболее важная тенденция наступающей эпохи.

Оговорка по Александру III

Государство, являясь соперником групповых и частных интересов, в принципе может и проиграть. Возникает вопрос: достаточно ли у него сил, чтобы противостоять приватизации... тут повисает пауза. Приватизации чего?

Говорят и пишут о «приватизации государства», именно в этом видится реальная опасность. Следовательно, вопрос формулируется весьма неудобно, и стилистически, и по существу: достаточно ли у государства сил, чтобы противостоять приватизации государства, то есть самого себя? Тем самым мы подразумеваем множественность, внутреннюю дифференцированность государства. Мы начинаем воспринимать государство (государственный аппарат во всей совокупности учреждений) не только как единый механизм, работающий ради единой цели, но и как пространство конкуренции различных институтов.

Одни институты государственной власти могут быть заинтересованы в том, чтобы стать объектом приватизации, или в «самоприватизации», другие — нет. Можно видеть выгоду в том, чтобы сохранить собственную институциональную чистоту как государственного учреждения, не подверженного влиянию частных интересов, но — на фоне «приватизированных» коллег и контрагентов. Возможна и обратная ситуация. Подчеркну еще раз, что под приватизацией государства не имеется в

виду элементарная коррупция. Речь идет о преимущественной нацеленности на обслуживание частных интересов, а также о сращивании капитала и власти.

Приватизация государства — это упор на обслуживание интересов данного учреждения, которые по отношению к общим интересам нации в целом представляются частными интересами. Впрочем, в итоге дело, так или иначе, упирается в интересы физических лиц.

Александр III как-то сказал (и эту фразу часто повторяют ревнители сильного единого государства): «У России есть всего два союзника — это ее армия и ее флот». Попытаемся снять с этого высказывания покров банальности и увидим нечто политически необычное.

Итак, есть Россия и есть ее армия и ее флот. Армия и флот являются союзниками России. Следовательно, Россия как совокупность невоенных властных институтов, территории и населения существует отдельно от *своих* вооруженных сил. Более того, вооруженные силы разделяются на сухопутные войска и военно-морской флот. Таким образом, с одной стороны, армия и флот принадлежат России, с другой — Россия должна заключать с ними союз. Союз — это согласование интересов. Получается, что, во-первых, интересы армии и флота не совпадают. Иначе Александр III сказал бы: «У России есть союзник — ее вооруженные силы», или просто «армия», поскольку в обыденном сознании армия включает в себя все, в том числе и флот; обыватель прекрасно понял бы, что имеются в виду и флот, и жандармерия, и вообще все люди в униформе и с оружием. Во-вторых, интересы вооруженных сил (и армии, и флота) изначально отличаются от интересов России — раз она должна брать их в союзники.

Почему бы не сказать проще: «Поскольку Россия не может надеяться на союзников, ей необходимо укреплять свои вооруженные силы». Возможно, император хотел сказать именно это. Однако он сказал то, что сказал, выделив армию и флот в качестве отдельных политических субъектов. Конечно, от лидера военной монархии, каковой была Россия XIX века, трудно было ожидать других слов. Но все же приходится признать, что Александр III, волюно или неволюно, констатировал мультисубъектность политики и особую роль армии как политического актора. А договариваться с армией — значит, договариваться с ее командованием, то есть опять же с частными (или, если угодно, с отдельными) лицами.

Занятость и интерес

С чем связана эрозия единого национального интереса, который скреплял государство и примирял конфликтующие группы интересов? Думается, с радикальными изменениями структуры занятости. В условиях массовой однотипной (фабричной) занятости, характерной для эпохи модерна, поведение государства существенно влияло на благосостояние большинства. Удачные или неудачные войны, межгосударственные союзы, крупные экономические проекты могли радикально улучшить или ухудшить жизнь всех и каждого. В условиях постмодерной дифференциации занятости личная экономическая ситуация не связана непосредственно (и не связывается в сознании людей) с изменениями государственной политики. Скорее она связана с условиями найма на данном (чаще всего небольшом) частном предприятии, с личной преданностью своему боссу.

Письмо из редакции

Разумеется, существует мощная инерция этатизма. Но государственническая мифология все чаще и все активнее используется частными лицами в своих частных интересах. Этатистская пропаганда осуществляется посредством персональной лояльности. Дж. Маккейн выходит к американским избирателям с лозунгом «За страну!», но голосуют они не за родину, не за партию, а за него лично.

Размораживание конфликтов, пост-модерная структура занятости, малодет-

ность, развитие информационных технологий — вот главные причины того, что государство из *юридического лица, наделенного волей*, вновь превращается в *persona ficta*.

Эти соображения могут показаться слишком элементарными для столь тонкой и сложной материи, какой является мировая политика. Рискну предположить обратное: закономерности, лежащие в основе политического поведения, не просто просты — они гораздо проще, чем нам кажется.

примечания

Кайзерлинг Г. фон. 2002.
Америка. Заря нового мира. М.

Droz N. 1896.
La démocratie fédérative

et le Socialisme d'État.
Geneve.